

Мы предлагаем вашему вниманию фрагмент новой книги Михаила Гундарина и Евгения Попова, посвященной Василию Шукшину. Гундарин и Попов — авторы биографии Фазила Искандера, которая в 2022 году вошла в длинный список сразу двух литературных премий России — «Большой книги» и «Ясной Поляны». (Отрывок из «Фазиль» опубликован в «Алтае», N1, 2022). Отметим, что Евгений Попов был знаком с Василием Шукшиным, написавшим предисловие к его первой подборке рассказов. Новая книга написана в форме диалогов авторов.

Михаил Гундарин: Шукшин поступил во ВГИК в 1954 году — в эпоху перемен. Достроили корпус вуза на Вильгельма Пика, это совсем рядом с ВДНХ. Сдали в эксплуатацию общежитие не слишком далеко от корпуса, у платформы Яуза. До этого занятия проходили в соседней киностудии имени Горького, а обитали студенты кто где. Будущий друг и соратник Шукшина, оператор Анатолий Заболоцкий, пришедший в институт на год позже, вспоминал: «Жили в зимних дачах, арендуемых институтом у владельцев по Ярославской железной дороге. Мне выпало жить на станции Мамонтовка. Утром чуть свет бежали на электричку. Если в начале седьмого не проснешься — на первую пару лекций не поспеешь. Мерзли в этих дачах и на платформе, зато каким же раем показалось новое общежитие, куда переселились на следующую осень: четверо в одной комнате! Пятый этаж — женский, четвертый этаж — режиссерский, на третьем — сценаристы и кинорежиссеры, на втором — художники и операторы. После холодных веранд пахнущее краской общежитие в Ростокине грезилось родным домом». Заболоцкий тоже из Сибири, из деревни Сыды Краснотуранского района Красноярского края. Но однако дело было не только в общежитии и корпусе: после смерти Сталина повеяло «оттепелью», и советское кино сразу же среагировало на эту тенденцию. (Как увидим, очень чутко уловил эти веяния Мастер Шукшина и Тарковского Михаил Ромм.)

Для студентов было важно, что заканчивалась эпоха малокартинья, когда студии могли выпустить не более одной-двух лент в год, а значит, росла потребность в кинематографических кадрах. Стало появляться и в советском прокате, и — особенно — в «просмотровых» ВГИКа больше свежих зарубежных картин. Вообще, крепло международное сотрудничество, невиданное еще пару лет назад. Вот факт: в год поступления Шукшина делегаты ВГИКа, парижского ИДЕКА, Мадридского киноинститута, Польского, Чехословацкого киноинститутов и представитель Союза продюсеров США учреждают в Канне Международный центр связи школ кино и телевидения (СИЛЕКТ).

Тогда же во ВГИКе начинается подготовка иностранных студентов. В основном для стран Восточной Европы — Болгарии, Румынии, ГДР, Венгрии, Польши и Чехословакии. (Учился парень из ГДР и на одном курсе с Василием Макаровичем.) Плюс Африка и Азия. Так же, как во всех вузах столицы.

Евгений Попов: Что имело для Шукшина довольно неожиданные последствия: мемуаристы вспоминают, что он то ли подрался, то ли собирался подраться с негром — как говорили попросту тогда. Теперь по случаю политкорректности негра вроде бы нельзя называть негром, а надо говорить «африканец», что ли? История эта, как и множество других случаев из жизни Шукшина, имеет множество вариантов. Мой земляк (имею право его так называть!) красноярец Анатолий Заболоцкий рассказывает: «Шукшин в общежитии на пятом этаже сцепился с негром, пристававшим к студентке. Негр с братьями из общежития МГУ написали обвинительное письмо в ректорат. Началось судилище. Шукшину грозило исключение из партии, и лютее всех изгонял его из рядов секретарь комитета комсомола Лёша Салтыков, ставший потом режиссером (именно во время съемок его фильма «Директор» погиб Евгений Урбанский). Исключение из партии неминуемо привело бы к исключению из института. И не узнали бы мы великолепного режиссера и актера, (а может быть, и писателя) Василия Шукшина».

Знаменитый сценарист Эдуард Володарский придает драке эпичность: «У Шукшина во ВГИКе была одна знаменитая драка с негром. Тот приставал к его тогдашней жене Лидии

Александровой. Вот Василий и стал лупцевать бедолагу. Тот позвал на помощь, прибежал другой негр, который тоже у нас учился. Звали его Ава Поль. Красивый, прекрасно сложенный, профессиональный боксер. Во Франции он зарабатывал тем, что был «тушей» для боксеров. Тогда Вася крикнул своих. Стали сбегаться сибиряки, и началось серьезное побоище. Негр перепугался сначала, а потом начал укладывать сибиряков профессиональными ударами на пол. Они снова вскакивали. Ну а потом пошли жалобы в райком партии об избиении иностранцев, разбирали это дело долго».

Получается, негр учился во ВГИКе, что, скорее всего, не так. Да и с Лидией Чащиной-Александровой связывать этот эпизод — дело сомнительное, концы с концами не сходятся. Уж не говоря о массовости побоища на пятом, **женском**, подчеркну, этаже вгиковской общаги. Хотя... дело молодое, девушки во ВГИКе красивые, ребята «моторные»...

Троюродный брат и друг Шукшина, Иван Попов придает той истории идеологический оттенок: «Как-то он мне рассказал один случай, который произошел с ним, когда он учился во ВГИКе. На одном из институтских вечеров к русской девушке подошел негр и пригласил ее танцевать. Девушка отказалась. Тогда этот тип, оскорбленный в своих лучших чувствах, затушил ей о лоб недокуренную сигарету. И Шукшин, конечно же, не стерпел. В то время он проходил уроки бокса, снимаясь в фильме «Мишка, Серёга и я». Учеником, видимо, он был хорошим, так как от его резкого хука негр отлетел на два метра и грохнулся на пол. После этого в институте был жуткий скандал. Василия чуть не исключили из ВГИКа. Шукшина предупреждали: «Не связывайся, тебя обвинят в расизме». А он отвечал: «Гостей я уважаю. Но и гости не должны обижать хозяев. Откуда такое преклонение перед иностранцами и нежелание защищать честь и достоинство собственных граждан?»». Да уж, тушить сигарету о лоб ни одна идеология не велит, даже самая передовая, как в Африке.

М. Г.: В общем, это очень похоже на очередной «шукшинский миф», хотя бы уже потому, что исследователи отыскивали в архивах документы легендарного собрания по исключению Василия Макаровича. Так вот: никакого негра в материалах дела нет

и в помине! Есть поляк. Но его Шукшин как раз не обижал — наоборот, они с ним вдвоем, посидев в ресторане гостиницы «Турист» (ровно через дорогу от ВГИКа), напали по пьяному делу на сотрудника милиции! Как в том анекдоте: не негр, а поляк, не его бил, а бил вместе с ним... Вот что говорится в протоколе собрания: «Вместе с поляком знакомым в день 15-летия Польской Народной Республики напились и дебоширили на улице и подрались с милиционером. После чего обоих забрали в милицию. Затем их отпустили, после чего поляк сразу же уехал к себе на родину, а на Шукшина было заведено дело в милиции. Тогда Шукшин подал заявление в партбюро института с просьбой об оказании ему человеческой помощи, чтобы не допустить его до тюрьмы, которая ему грозила, и дать ему характеристику положительную, кроме того, за Шукшина ходатайствовал известный народный артист и режиссер Ромм. Благодаря этому дело Шукшина в следственных органах было прекращено. Но здесь мы должны все же примерно наказать товарища Шукшина и предостеречь его в дальнейшем от дурных поступков. Партбюро решило вынести ему строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку».

В обсуждении судьбы Шукшина участвовал ректор ВГИКа Грошев, секретарь парткома Никифоров. Сам Шукшин сказал (так это занесено в протокол): «Я не пьяница, но как-то так получается, если случайно выпью, то обязательно теряю волю над собой и совершаю непростительные поступки. Даю слово никогда больше не пить».

Ну, это он, так сказать, погорячился. Дело было в 1959 году, еще лет 10 после этого Василий Макарович выпивал крепко и, прямо скажем, выпивши был весьма часто несдержан...

Е. П.: Наобещал коммунистам с три короба — и ладно, зато остался в вузе, тем более уже был на выпускном курсе и активно снимался в кино. Из-за такой ерунды и правда могли человеку судьбу сломать. Может, с негром было в другой раз? Потому как в истории Василий Макарович попадал регулярно. И в милицию дорога была ему знакома. Все по пьяной лавочке!

М. Г.: Да, надо сказать, что выпивал он в студенчестве крепко. Ну и женщинами интересовался, и они им, как без этого.

Е. П.: Мне тут недавно рассказали, что киношные дамы восхищались Василием Макаровичем еще и потому, что он казался им похожим на Алена Делона. Но это, наверное, было позже, а не тогда, когда Шукшин учился в вузе. Да и знаменитый фильм с Аленом Делоном «Рокко и его братья» был снят только в 1960 году, после чего и началось победное шествие актера Делона по планете. А в 1998 году он даже приехал в Красноярск, чтобы поддержать на губернаторских выборах генерала Лебеда, который заявил, что Делон — его лучший друг. Выборы Лебедь выиграл, но его враги распустили слух, что это вовсе и не Делон был, а какой-то спившийся старичок с «Мосфильма».

М. Г.: *Sic transit gloria mundi...* Как известно всем в России, «Ален Делон не пьет одеколон», в отличие от студентов. Не знаю, как насчет «Тройного» или «Ландыша» (но кое-что подозреваю). Насчет прочего сокурсник Шукшина, будущий муж сестры Андрея Тарковского, Александр Гордон пишет (не забывая и себя упомянуть): «Водку пили частенько, иногда теряя чувство меры. Режиссер Алексей Сахаров рассказал мне как-то о таком эпизоде из этой зловредной серии: по коридору общежития, как по деревенской улице, раскачиваясь из стороны в сторону, шли обнявшись Шукшин и Гордон и очень “музыкально” горланили: “Бывали дни веселые...”». И еще из тех же мемуаров: «...говорили обо всем: о ролях, о сокурсниках, о женщинах. Вася — глаза щелочкой, смеются — поправляет: “О бабах, Саня, о бабах, так правдивее”».

Е. П.: Мы с вами упомянули французского красавчика, короля скандалов Алена Делона, из-за которого пыталась покончить жизнь самоубийством актриса Роми Шнайдер. А вот что писала про нашего Василия Макаровича другая актриса, Лидия Чащина-Александрова: «От нашего почти пятилетнего брака (гражданского) не осталось ничего материального: ни детей, ни имущества, ни писем, ни даже совместных фотографий... Нашего с Васей ребенка я рожать не стала — и эта боль до сих пор меня не отпускает. Имущества у нас с ним не было никакого — в те времена Вася переживал самый неустроенный период своей жизни. А что касается писем и фотографий — расставаясь с Шукшиным, я изорвала их и бросила клочки ему в лицо...» Источник сомнительный. Но что сказано, то сказано.

М. Г.: При этом Шукшин был — особенно на первых курсах — рьяным комсомольским активистом. Потом и в партию вступил. На втором курсе, в ноябре 1955-го. Напомним, поступал во ВГИК он КАНДИДАТОМ В ЧЛЕНЫ, хотя многие пишут, что он к тому времени УЖЕ был партийным, партийным, как говорят в Сибири. Но достоверно известно, что он был комсоргом курса, потом членом вузовского комитета комсомола. Досталось от него, например, не кому иному, как звезде 60-х Людмиле Гурченко. «Надо было видеть, как он проводил собрания — распекал подражателей Запада на чем свет стоит, камня на камне от них не оставлял. И повезло же Люсе Гурченко попасть под его горячую руку! Люся ведь во всем подражала Лолите Торрес — исполнительнице главной роли в культовом тогда фильме "Возраст любви". И Шукшин выступил с повесткой: "О подражании Люси Гурченко Лолите Торрес". Уж Вася Люсю пропесочивал, пропесочивал... Потом перешел на уговоры: "Ну, зачем тебе сдалась эта Торрес? Ты пой лучше наши, русские песни". Но Гурченко заявила: "Что хочу петь, то и буду!" За это ей "поставили на вид", то есть сделали строгое предупреждение», — вспоминала однокурсница и подруга Людмилы Гурченко актриса Инна Выходцева. Между прочим, и свою будущую жену Лидию Николаевну Федосееву Шукшин распекал за нежелание вступать в комсомол!

Особо жестко выступал Шукшин-активист против стилияг, которых, как кажется, ненавидел искренне. Писал Ивану Попову, троюродному брату: «Попробовал развернуть кампанию против стилияг — в райкоме получил благодарность, в институте — врагов». Ясное дело, вгиковская публика во все времена была примодненной. Много лет спустя он вспомнит: «Я в свое время боролся с узкими брюками, и не так уж это было безобидно. Только не поднимается рука — бить себя в грудь. Не могу... Чем были плохи узкие штаны? Да ничем. Меньше пыли подымали с пола, некая экономия материи. Правда, ничего особенного в них не было. Отчего же возня была? Вот почему. Если, например, армия молодых людей зашагала по улицам в узких штанах, то часть их, этак с батальон, обязательно выскакивает вперед и начинает отчаянно обращать на себя внимание. И они-то, думая, что они народ крайне интересный, смелый, скоро начинают раздражать.

Потому что искусства одеваться здесь нет, а есть дешевый способ самоутверждения. Здесь налицо пустая растрата человеческой энергии, ума, изобретательности — почему же на это не указать? Другое дело, мы указывать не умеем. В борьбе за их (этого батальона молодых людей) самостоятельность утрачиваем разум и спокойствие. Я, например, так увлекся этой борьбой, так меня раззадорили эти „узкобрючники“, что, утратив еще и чувство юмора, всерьез стал носить... сапоги. Я рассуждал так: они копируют Запад, я „вернусь“ назад, в Русь».

То есть и 15 лет спустя, вроде бы даже осуждая сам себя, посмеиваясь, он к «стилягам» остается беспощаден. Про шукшинские сапоги мы еще поговорим, это интереснейшая деталь! Но отметим, что он здесь снова нас мистифицирует — будто бы стал носить сапоги только после своей борьбы с «узкобрючниками». Ничего подобного!

М. Г.: Вступая в партию, Шукшин написал в заявлении кратко и красиво: «Прошу принять меня в чл. КПСС. Со всем, что делает Партия, — согласен. И сколько хватит сил и ума, буду помогать строить коммунизм».

Рекомендацию Шукшину дал Михаил Ромм: «Тов. Шукшин дисциплинированный, сознательный, упорный в труде и глубоко преданный партии человек, пришедший во ВГИК с большим жизненным опытом. Несмотря на пробелы в первоначальном образовании и недостаточный запас накопленных знаний, он преодолевает свои недостатки и является одним из лучших студентов моей мастерской».

Е. П.: Интересно, кто Ромму давал рекомендацию в ВКП (б), ставшей КПСС?

М. Г.: Даже судя по отзыву Ромма, Василию Макаровичу приходилось нелегко, особенно вначале. Сам он потом признавался: «Приехав учиться в столичный вуз из деревни, долгое время чувствовал себя как-то очень растерянно. Здесь все было по-другому. Даже говорили как-то совсем иначе. Я стеснялся своего деревенского говора, слов, к которым привык и которых здесь никто не произносил. И чтобы не выделяться, пытался даже какое-то время переучиться говорить и выражаться, как все начитанные, образованные московские ребята. Помню эту мучительную

пору. И насмешки над собой, и свой собственный стыд перед тем, что уродовал, коверкал свою мысль, потому что коверкал слово. И, пройдя эту ужасную школу говорить не своим языком, возненавидел и себя, и других, кто так же поступал. И на всю жизнь невзлюбил всякую манерность изложения».

То есть, перед ним стоял соблазн, очень знакомый каждому, кто приехал в Москву из далеких мест (как и мы с вами когда-то): стать таким же, как условные «все», так сказать, ассимилироваться. Или упорно оставаться иным. Пусть это даже внешне будет походить на конфронтацию. Совершенно очевидно, что Шукшин ассимилироваться не желал. В конце концов, путь из далекой провинции, из деревни в столичный вуз, а затем в творческую, или научную, или управленческую, в общем, сугубо интеллигентную среду — это самое обычное дело. Что тогда, что теперь. И через какое-то время бывшего крестьянина почти не отличить от горожанина. Этим путем прошли все соученики Василия Макаровича. Обратим внимание: «настоящих» москвичей в роммовской мастерской было всего-то шестеро. Меньше четверти! Однокурсник Владимир Китайский, например, хлебнул не меньше Шукшина (он сирота, детдомовец; покончит с собой вскоре после окончания ВГИКа).

Шукшин выделялся сознательно. Один его внешний вид чего стоил!

Многие считали (например, Василий Белов), что еще во ВГИКе Шукшин пошел на конфликт с будущим киноокружением (это окружение, мол, его в конечном счете и погубило). Анатолий Заболоцкий сочувственно цитирует высказывание шукшинского друга и соратника, оператора Александра Саранцева: «Совершенно ясно, что во ВГИКе с первого курса, а может, еще и с абитуриентских ступенек этого учебного заведения, конфликт Шукшина обострился окончательно, стал социально и этически вполне им осознанным... Вне этого конфликта с окружением — нет Шукшина. Писателя. Режиссера. Актера...»

Е. П.: Не соглашусь ни с Беловым, ни с Заболоцким. Это не было ассимиляцией, но не было и конфронтацией, сплошным, не прекращающимся ни на секунду конфликтом. Возможно, только в самом начале, когда Шукшин гонял стилиг... Потом его игра стала

сложнее. Вот что он говорит в том же интервью, что и про первоначальное подражание: «...до поры до времени я стал таить, что ли, набранную силу. И, как ни странно, каким-то искривленным и неожиданным образом я подогревал в людях уверенность, что — правильно, это вы должны заниматься искусством, а не я. Но я знал, вперед знал, что подкараулю в жизни момент, когда... ну, окажусь более состоятельным, а они со своими бесконечными заявлениями об искусстве окажутся несостоятельными. Все время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного».

В общем, молчи, скрывайся и таи! Очень откровенное признание! И — своеобразное решение основной проблемы настоящего, талантливого творца — как войти в советское искусство, но не стать, извините за тавтологию, советским «совком».

М. Г.: Отношения Шукшина с товарищами действительно были двойственными. С одной стороны, он был парнем компанийским. К тому же поступил во ВГИК уже опытным, 25-летним, с таким, как говорят сейчас, бэкграундом, который многим его младшим однокашникам и не снился. В таком возрасте разница в 5–7 лет очень важна! Судя по воспоминаниям, он многим казался благожелательным старшим товарищем. Молодые ребята понимали — он мудрее их, что ли.

«Иногда называют Шукшина застенчивым, но это — бред собачий. Ходил он тихо, говорил негромко, больше молчал, вообще не любил высовываться, но по тем взглядам, что бросал он на окружающих, особенно если удавалось поймать эти взгляды, когда он не замечал, что за ним наблюдают, не оставалось сомнений, что он цену себе знает и людей видит насквозь». Это из воспоминаний уже упомянутого оператора Александра Саранцева, который поступил во ВГИК на год раньше Шукшина, но был его младше.

Александр Гордон подтверждает: «С однокурсниками Шукшин держался ровно и доброжелательно. Никого особенно к себе не приближал, наблюдал же и интересовался всеми — и теми, что попроще, и молодой московской интеллигенцией, ее взглядами, вкусами, повадками. Делал это незаметно, деликатно, но видел всех и каждого насквозь».

С другой стороны, лихие выходки его были известны всему институту.

Еще один сокурсник Шукшина, Василий Виноградов, говорит еще определеннее: «Шукшин в жизни играл роль горьковского Луки — всегда всех утешал, особенно когда учился во ВГИКе. По своему уму и опыту он был взрослее всех. Всегда вдумчив и серьезен. Шукшин не мог не вызывать уважения у однокурсников, которые то и дело просили у него совета. За него все переживали. Вася был отличником, и когда однажды ему светила тройка за сценическую речь, весь курс стал на его защиту, бойкотируя посещение занятий по этому предмету. Преподаватель Алла Наумова плакала из-за того, что студенты повели себя так жестко, но потом все же поставила Васе четверку. Шукшин всем помогал, поэтому не ответить ему взаимностью было бы преступлением».

Студенты бойкотируют преподавателя, чтобы поддержать товарища! Редкий случай. И даже если в рассказе есть преувеличение, оно вполне характерно — Шукшина действительно на курсе уважали.

Однако были и те, кто его недолюбливал, зная не слишком близко, считали одним из активистов-карьеристов. Сам Анатолий Заболоцкий признается: «Шукшина я в ту пору не принимал, как с сибиряком здоровался, и не более того, старался не разговаривать. Осуждал однозначно». Потом, как известно, познакомились поближе и стали друзьями на всю жизнь.

Есть еще одно свидетельство — знаменитого киноведа Наума Клеймана: «Надо сказать, что Васю Шукшина мы во ВГИКе очень не любили». Опять же, полагаю, — за мнимый карьеризм-советизм. Думаю, Шукшина такая ситуация вполне устраивала. Нравиться всем и каждому он отнюдь не стремился. Когда было надо для дела — мог обаять кого угодно. С товарищами по курсу, по общежитию был, как видим, очень приветлив, всегда помогал. А остальные — извините, пусть думают что хотят.

Тот же Клейман вспоминал: «У нас были во-от такие брюки, а эти ходили в “дудочках”, “дудочки” надо было доставать за валюту, у нас таких вещей не было. Так вот, Вася на комсомольском собрании ВГИКа — что всех возмутило — сказал, что он бы бритвами резал всех этих “узкобрючников”, в том числе Андрея

Тарковского. Мы были на втором курсе, думаю, в то время он для меня был воплощением совершенно темного сознания».

Насчет Тарковского — это еще не факт, Клейман мог перепутать или привести это имя для весомости своих обвинений. Тарковский все же входил в «ближний круг» товарищей Шукшина (отнюдь не друзей при этом!). А к этому кругу отношение у Василия Макаровича было особым.

Кстати сказать, и Клейман изменил свое мнение о Шукшине, восхитившись его ролью в фильме Марлена Хуциева «Два Фёдора».

Е. П.: Не могу удержаться от цитаты из Клеймана, которую недавно нашел. Извините, что длинная, но уж больно по делу. Клейман, еще студентом, смотрит пробы к фильму «Два Фёдора» в компании с Тамарой Сёминой, тоже тогда студенткой ВГИКа, и Александром Демьяненко. Будущий «Шурик» из комедий Гайдая учился в ГИТИСе, но уже снимался у Алова и Наумова. «Зажигается экран, и мы видим на экране Васю Шукшина, к которому мы довольно скептически относились во ВГИКе... И вдруг я вижу потрясающее, удивительное лицо человека, пережившего войну, не просто внешне воевавшего, а как будто сожженного изнутри, который смотрит вслед маленькому Фёдору, подхваченному солдатским эшелоном, возвращающемуся из Германии в Советский Союз, якобы здесь у него родные, он уходит от Фёдора старшего, а тот понимает, что это была ложь. Он стоит, курит, а потом бросается следом, хватая его в охапку и садится в уже отъезжающий поезд. Марлен Хуциев подложил марш «Прощанье славянки» под эти дубли. Вот идут восемь дублей один за другим, по-моему, и неизвестно, какой из них лучше. У нас текут слезы у всех. Рядом сидит Тамара Сёмина, плачет, Саша Демьяненко борется со слезами, у меня слезы текут. От одного лица Васиного, смотрящего на этого сироту следом. В этот момент я не понял, а почувствовал значительность личности Шукшина, который, не играя, несет в себе трагедию, трагедию не только поколения, прошедшего войну, и своего поколения, где отцы погибли либо на войне, либо в этих страшных репрессиях 30-х годов, а несет трагедию еще не решенного будущего. Когда не стремление к этому будущему, которое есть наш идеал, а пути оказываются

не совсем праведными и верными. Вот это, я думаю, то, что его мучило всю жизнь... Я думаю, мы поймем ту степень трагизма, которую нес в себе Шукшин. Поэтому его счеты к городу не были счетами слепого “деревенщика”, который не понимает уклад городской. Это было именно ощущение того, что нет мира между городом и деревней в силу того, что пути несправедливые».

М. Г.: Но, с другой стороны, это внутреннее разделение на «них» — «китов», как было сказано во вступительном эссе, и «нас» (а вернее — «меня»), так сказать, будущего «китобоя», существовало и в отношении близких товарищей. Оно не могло не прорываться.

Характерны воспоминания выпускника сценарного факультета ВГИКа Марка Гаврилова: «Вася... постоянно, особенно в пьющей компании, подчеркивал, мол, мы от сохи, мы ваших кантов-аристотелей на этом самом... видели. Нам чего попроще. Я вот, например, задыхаюсь в ваших каменных мешках. Где тот бугорок, на который можно присесть? Сплошные асфальтовые поля... Ходил Вася всегда в галифе и солдатских сапогах. ... И вот как-то глубокой ночью дверь нашей комнаты № 306 вгиковского общежития распахнулась. На пороге — Вася Шукшин. Слегка покачивается с пятки на носок в своих “смазных сапогах”. Может, и подвыпивший, но вообще-то у него манера была такая — покачиваться, беседуя с кем-нибудь».

— Так мы ведь не только частушки да похабные анекдоты имеем, — будто продолжает разговор Шукшин, — кой-чего и по-настоящему можем. Публика желает? Не смеем отказать! Я — Гамлет, принц датский!

И он исполнил монолог Гамлета. Блистательно. Принц превратился в одного из потом уже знаменитых шукшинских чудиков. Но мы, ошарашенные, тогда этого не поняли. За неимением занавеса датско-алтайский Гамлет-Шукшин хлопнул дверью». Думаю, все же он был выпивши. Прорвалось! Вот я какой, мол, на самом деле. Я, может, на самом деле принц датский. А так все прикидываю деревенским простаком!

Е. П.: Ну вот и Гаврилов вспоминает про шукшинские сапоги. Про них написаны уже целые исследования. Да что там исследования, целые стихотворения! Причем далеко не последними

русскими поэтами. Вот знаменитое произведение Евгения Евтушенко.

Галстук-бабочка на мне.
Сапоги — на Шукшине.
Крупно латана кирза.
Разъярённые глаза.
Первое знакомство.
Мы вот-вот стыкнёмся.

Придавил меня Шукшин
взглядом тяжким и чужим.
Голос угрожающ:
«Я сказать тебе должен! —
я не знал, что ты пижон —
шею украшаешь!»

Грязный скульпторский подвал.
Три бутылки наповал.
Закусь — килька с тюлькой.
Крик:
 «Ты бабочку сыми!
Ты — со станции Зимы,
а с такой фитюлькой!»

Галстук-бабочку свою
я без боя не сдаю.
Говорю, не скисший:
«Не пижон я —
 ерунда!
Скину бабочку,
 когда
сапоги ты скинешь!»

Будто ни в одном глазу,
стал Шукшин свою кирзу
стаскивать упрямо.

дорогой альтернативой кирзовых были хромовые сапоги, из натуральной кожи. Их носили офицеры. Сомневаюсь, что Шукшин после ВГИКа носил именно кирзачи. Ну и заплатки ставить ему было на них уж точно ни к чему. Думаю, в нормальных щеголял, хромовых.

Е. П.: А я считаю, мог и в кирзе ходить! Хромовые да яловые «прохоря» не всем были по карману. А «выдать» их бывшему солдату-моряку было некому. Хотя и правда, из московских интеллигентов мало кто мог на глаз кирзу от хрома отличить. Боюсь, что Евтушенко, хоть и со станции Зима, и то не сумел бы.

Кстати — Евгений Александрович говорит о «первом знакомстве» да еще в «грязном скульпторском подвале» (уж не у Эрнста ли Неизвестного?), так что легенда о том, что некогда он, студент Лита, направил деревенского парня во ВГИК — выдумка на 100 процентов. Да оно и так понятно. Со стихотворением все понятно тоже: Евтушенко считал сапоги Шукшина такой же фитюлькой, не выражающей сущности, как и свой галстучек. И мол, стоит подружиться, как внешнее отбрасывается и начинаются настоящие отношения, «босиком». Хорошо хоть не голышом. Но перед кем попало Шукшин не разувался, говоря хоть прямо, хоть в переносном смысле. И Евтушенко, конечно, не преминул записать себе лишний плюсики — перед ним-то разулся.

М. Г.: Шукшин ходил в сапогах и полувоенной форме как минимум лет десять — с момента поступления во ВГИК до окончания своего первого фильма «Живет такой парень». Причем если при поступлении он мог сослаться на то, что недавно демобилизовался, и другой одежды нет, то потом и такой «объективный» предлог пропал. Честно говоря, он сразу был сомнительным, способным обмануть разве что простодушных московских интеллектуалов. Во-первых, с момента демобилизации до поступления в институт прошло полтора года. Можно было обзавестись и одеждой, и обувью. Во-вторых, сапоги уж точно не входят в комплект флотского обмундирования. Да и одежда на Шукшине была то флотская (бушлат), то солдатская (гимнастерка). Скорей всего — простите Василий Макарович! — купленная им где-нибудь «на Тишинке», Тишинском рынке, не исключено что специально для создания образа.

К тому же за десять лет, надо полагать, и сапоги, и одежду он менял — покупал — неоднократно. Еще интересно: он под сапогами носил портянки, как пишет Евтушенко, или все-таки носки? Я полагаю, что, скорее всего второе. А то приходишь в гости в интеллигентный дом, произвел сапогами и бушлатом впечатление, это понятно, но надо ведь по русскому обычаю разуваться и чай или водку идти пить. Портянки разматывать? Босиком шлепать по паркету и коврам? Это уж вряд ли.

Е. П.: Что интересно, намеренно выделяясь из ряда, Шукшин рисковал даже перестараться. Кто-то из вгиковцев, уже не помню кто, вспоминает, что он носил некую «партийную униформу» — полувоенную одежду и сапоги. Мол, для карьеризма. Выглядел в ней он не как «человек от сохи» из низов, а как районный сталинский бюрократ! Явно это в его намерения не входило, если, конечно же, мемуарист не врет.

М. Г.: Ну, кстати, с переодеванием в «народное» часто бывает так. Пётр Чаадаев в свое время утверждал, что славянофил Константин Аксаков оделся так «национально», в кафтан и шапку-мурмолку, что народ на улицах принимал его за персиянина. Поскольку к тому времени никто уже в России мурмолок не носил... А эстета «нетрадиционной ориентации», поэта Михаила Кузмина, в начале двадцатого века в нарочито русской одежде (косоворотка и те же сапоги) не пускали в рестораны и демонстративно не узнавали на улицах знакомые. Собственно, на такой эффект Кузмин и рассчитывал, притом что одетых так же, как он, было в России полным-полно. Разве что они не ходили по ресторанам на Невском проспекте, а отдыхали от тягот развивающегося в России капитализма в скромных трактирах и шалманах...

Шукшин и Михаил Кузмин — что может быть дальше друг от друга! Но сознательный выбор вызывающей одежды их объединил... Как написала одна современная исследовательница, «дресс-код» Шукшина «сформировался как маркер шукшинской этико-эстетической концепции и важнейшая репрезентативная часть его персонажной системы». Вот посмеялся бы над этой словесной умницей Василий Макарович, да и крепким словцом, гляди, по ней прошелся, но, в общем, полагаю, был бы доволен:

его поняли. А при жизни не очень понимали, зачем ему весь этот маскарад...

Вспомним, впрочем, что и Есенин, появившись в эстетских салонах, щеголял в валенках. Которые Зинаида Гиппиус будто бы приняла за странные гетры (ну это вряд ли).

Е. П.: Очень интересно про сапоги Шукшина и его первые ботинки рассказывала лично мне Белла Ахмадулина, но подробности этого рассказа таковы, что я не уполномочен делиться ими с читателями... У нее про сапоги есть и в небольшом мемуарном очерке памяти Шукшина. Воспоминание относится к 1963–1964 годам, когда она снималась в фильме «Живет такой парень», что мы еще подробно потом обсудим.

Итак, по мнению Ахмадулиной, «сапоги ему не столько единственной обувью приходились, сколько — знаком, утверждением нравственной и географической принадлежности, объявлением о презрении к чужим порядкам и условностям». При этом, по мнению Беллы Ахатовны, Шукшин, что называется, воображал себе лишнего по поводу тех домов, где они тогда бывали и где его сапоги и правда смотрелись диковинно: «люди, на чьем паркете или ковре напряженно гостили эти сапоги, совсем не таковы были, чтобы дорожить опрятностью воска или ворса. Но он причинял себе лишнее и несправедливое терзание, всем существом ошибочно полагая, что косится на его сапог соседний мужской ботинок, продолговатый и обласканный бархатом, что от лужи под сапогами отлепetyвают брезгливые капризные тупельки».

Так же несправедливо, по мнению Ахмадулиной, он ругал Пастернака, изображенного в сапогах на знаменитом фото, где он работает в своем переделкинском саду.

«— В сапогах! — усмехнулся тот, о ком пишу и тоскую.

Так или приблизительно так кричала я в ответ:

— Он в сапогах, потому что работал в саду. И я видела его в сапогах, потому что была осень, было непролазно грязно в той местности! А ты...»

Тут фигура умолчания. Очень может быть, что Ахмадулина хотела продолжить в таком духе: его-то сапоги оправданы ситуацией, а твои — показуха! Но промолчала, и даже нашла оправдание для самого Шукшина: «Одного-то он наверняка никогда

не постиг: нехитрого знания большинства людей о существовании обувных магазинов или других способов обзаводиться обувью и прочим вздором вещей. И всё же — в один погожий день, он по моему наущению был заманен в ловушку, где вручили ему сверток со вздором вещей: ну, костюм, туфли, рубашки... Как не хотел!» Не очень-то я уверен, что Шукшин относился к московской интеллигенции «несправедливо». Может быть, он видел и понимал ее поточнее, чем доброжелательная Белла Ахатовна.

Е. П.: А вот мне она рассказывала, что когда Шукшин раскрыл подаренную ею ему книжку стихов Пастернака, которого снова стали издавать после его смерти, то удовлетворенно заметил, глядя на фотографию: «А твой-то тоже в сапогах».

М. Г.: Белла Ахатовна, кстати, и сама была далеко не чужда «семантизации» своего внешнего облика — и одежды, и обуви. Как вспоминает Борис Мессерер в своей книге «Промельк Беллы», будучи за границей, супруги сумели посетить Владимира Набокова в Швейцарии за два месяца до смерти писателя. Частью внешнего образа, который муж-художник «нафантазировал» для Беллы специально для встречи с легендой русской прозы, стал как раз предмет обуви. Совершенно несвойственный для гражданина СССР облик Беллы составили рубашка с жабо, лосины и фантазийные коричневые ботфорты — как жест противопоставления серости и грязи окружающей действительности советской власти, «иссушающей» и лишаящей индивидуальности. Надеюсь, Набоков, всюду видящий знаки и символы, такой код оценил (не думал же он, что в СССР так ходят все).

Про ботфорты Ахмадулиной пишет и мемуарист (что характерно, провинциальный, пораженный ее «дресс-кодом»): «...сапожки-ботфорты, перчатки, мушкетёрский плащ, кружевные манжеты — дырка на дырке как высший писк моды, широкополая шляпа, жабо... Атос, помноженный на Миледи, плюс-минус корень квадратный из прозрачной полусферы под куполом цирка, в которой накручивает рискованные, смертоопасные виражи отчаянная мотогонщица... Это — Белла». Так что сапоги Василия Макаровича и ботфорты Беллы Ахатовны в русской литературе, образно выражаясь, стоят рядышком.

Е. П.: Да, конечно, ее внешний вид не забудет никто, хоть единожды встречавшийся с ней. Вот что значит настоящий поэт, живущий в согласии со своими стихами!

М. Г.: А Шукшин потому и не хотел принимать от нее «штатской» одежды в подарок, что не желал выходить из образа. Ну или из созданного им самим «семантического поля». Что интересно, нехитрый эпатаж Василия Макаровича вполне действовал на простодушную (а вернее, подверженную сословным предубеждениям) московскую «тусовку». То есть он добивался своего. Та же Ахмадулина, по позднему признанию, успокаивала хозяев: «Я хозяевам говорила: “Вы еще потом вспомните, кто к вам в мокрых сапогах приходил, еще рассказывать будете”. Так и было». И Владимир Коробов приводит слова, обращенные к Ахмадулиной и случайно услышанные самим Шукшиным в одном из домов: «Белла, как можете Вы, такая изящная, такая интеллигентная, общаться с этим сибирским сапогом, с этой грязью...» Так что Василий Макарович рассчитал все абсолютно правильно: бил в цель, становясь антикодом для «культурной элиты». «Я — не вы; я — другой» — вот смысл этого нехитрого послания. Никакой ассимиляции! Только победа!

Е. П.: Кстати, «аэропортовская тусовка», да и настоящая «элита», например Лев Копелев, были в восторге от прозы «деревенщиков». Считали их по традиции демократов XIX века солью земли вне зависимости от качества их литературных произведений. «Вы же понимаете, Женя, что Распутин — великий писатель и его “Матера” — великая проза», — говорил он мне.

М. Г.: Вы с ним были согласны?

Е. П.: Давайте не будем отвлекаться. Мы ведь не про Распутина книгу пишем, а про Шукшина. Василий Макарович, на мой взгляд, крупнее и «деревенщиков», и «космополитов». Белов и Распутин — хорошие писатели. Однако и Аксенов с Искандером тоже не «фраера в обмотках», извините за нашу сибирскую грубость.

М. Г.: Характерно, что после победы фильма «Живет такой парень» в Венеции Шукшин эпатировать публику своим внешним видом практически перестал. «В поле», на съемках, конечно, сапоги и фуфайку носил, а как без них в нашей глубинке. Да и то ко-

жанку предпочитал — и практично, и выглядит круто. (Анатолий Заболоцкий вспоминает, как они с Шукшиным во время съемок «Печек-лавочек» обзавелись кожанками у спекулянтки — по 75 рублей за вещь. Именно в этой тужурке Шукшин снимется в «Калине красной»!) А в гостиные стал надевать костюмчик и туфли. Теперь за него говорили не сапоги, а лавры победителя. Но до этого во вгиковские времена было еще ой как далеко...